

ЦАРЕУБИЙЦА

*Подлинные мемуары
графа Орлова*

Алексей Орлов

**Цареубийца. Подлинные
мемуары графа Орлова**

«Алгоритм»

2018

УДК 82-94
ББК 85.374

Орлов А. Г.

Цареубийца. Подлинные мемуары графа Орлова / А. Г. Орлов —
«Алгоритм», 2018

ISBN 978-5-907028-89-0

Граф Алексей Орлов прежде всего известен тем, что он был одним из главных организаторов дворцового переворота, который привел на престол Екатерину II. Вскоре после этого ее муж Петр III был убит при непосредственном участии Алексея Орлова, так что многие обвиняли последнего в цареубийстве. В мемуарах графа Алексея Григорьевича Орлова, записанных его секретарем, излагается собственная версия этих событий; кроме того, рассказывается о многих других деяниях автора мемуаров – о похищении «княжны Таракановой», претендующей на русский престол, о войне с турками на Средиземном море, о любовных историях графа и его жизни в Москве, подлинным хозяином которой он был на рубеже XVIII–XIX веков. Эти записи, впервые представленные в полном виде в данной книге, дополнены воспоминаниями другого незаурядного человека – Ивана Саввича Брыкина, прожившего более ста лет (1706–1821), восемьдесят из которых он был смотрителем императорской резиденции под Москвой. Его мемуары содержат бытовые подробности жизни 10 российских императоров, от Петра I до Александра I, которых Брыкину довелось видеть.

УДК 82-94
ББК 85.374

ISBN 978-5-907028-89-0

© Орлов А. Г., 2018

© Алгоритм, 2018

Содержание

Граф Орлов	7
Предисловие	8
Именины	9
Охота на медведя	18
Соперник	23
Дворцовый переворот	36
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Цареубийца
Подлинные мемуары графа Орлова

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

* * *

Граф Орлов
*(Воспоминания об удивительной жизни
графа Орлова, записанные его секретарем)*

Предисловие

Последние шесть лет жизни графа Алексея Григорьевича Орлова я состоял при нём на службе. Впрочем, это нельзя было назвать службой в полном смысле слова, поскольку у меня не было определённых обязанностей, так же как присутственных дней. Имея характер жизнерадостный и деятельный, граф Алексей Григорьевич иногда тем не менее впадал в глубокую хандру, которую не могла развлечь даже единственная и горячо любимая им дочь Анна. В это время он приглашал меня для разговоров и бесед, в которых изливал желчь, накопившуюся у него в душе.

С другой стороны, графу нравились рассуждения о науке и искусстве, о которых он имел смутное представление из-за недостатка образования, полученного в юности, однако относился к ним с великим уважением, подкрепляя оное значительными пожертвованиями в пользу соответствующих учреждений и частных лиц. Немало часов мы провели с ним в подобных беседах.

Случалось, граф Алексей Григорьевич звал меня и в часы веселья, когда он предавался ему в узком домашнем кругу. В отличие от праздников, которые граф проводил для специально приглашенных гостей, в числе коих бывали и царственные особы, его домашние праздники не были столь пышными и широкими, однако куда более искренними. Не опасаясь чужих ушей, он позволял себе откровенные высказывания, а иной раз обращался к воспоминаниям о своей жизни, полной удивительных событий.

Незадолго до смерти граф Алексей Григорьевич отметил своё семидесятилетие: вначале с приглашенными гостями, а через пару дней – в домашнем кругу. Будто предчувствуя скорую кончину, он был особенно разговорчив и рассказал много такого, о чём раньше умалчивал. К счастью, я догадался записать его воспоминания, несколько дополнив их тем, что слышал ранее, и в таком виде представляю нашей читающей публике.

Остаётся добавить, что дело происходило в сентябре 1807 года, вначале в подмосковной усадьбе графа на Донском поле, а потом – возле Чайного домика в Нескучном саду, ещё одном графском имении, расположенном по соседству с первым.

Именины

Именины графа Алексея Григорьевича отмечались в конце сентября, но недели за две до этого он тяжело захворал. Его дочь Анна ухаживала за ним, как усердная сиделка, – трогательно было видеть такую заботу об отце. Он женился, когда ему было уже далеко за сорок; в браке у него родилось двое детей, дочь и сын, рождение которого унесло жизнь жены графа, а менее чем через год скончался и младенец.

Дочь свою граф Алексей Григорьевич любил всем сердцем; примечательно, что после её рождения императрица Екатерина лично приехала поздравить Алексея Григорьевича, но прибавила при этом: «Как было бы хорошо, если бы родился мальчик. Боюсь, граф, вы не способны воспитывать девочек, и поэтому желала бы вам сына, которому вы могли бы служить примером».

Государыня ошиблась: редко можно было встретить отца, столь же нежно и трепетно заботившегося о своей дочери, как граф Алексей Григорьевич. Он дал ей превосходные воспитание и образование, так что в Москве она считалась лучшей невестой не только из-за богатства отца, но и в силу свойств её характера, ума и поведения.

Граф Алексей Григорьевич Орлов, начало 1800-х годов

Граф называл её «Нинушкой», с ударением на «у», а она с неподдельной любовью величала его «батюшкой», но обращаясь при этом на «вы». Когда он недомогал, она дни и ночи сидела возле его постели, да он никого другого и не допустил бы до себя, не доверяя лекарям и ругая их шарлатанами.

...Я зашёл навестить графа на второй или третий день его болезни. Графская спальня находилась на втором этаже господского дома (как уже было сказано, мы жили тогда на подмосковной даче Алексея Григорьевича на Донском поле). Дом этот был построен специально для графа знаменитым нашим зодчим Казаковым, который постарался учесть все прихоти хозяина: Алексею Григорьевичу нравились комнаты округлые, без углов, но с множеством окон, поэтому Казаков второй и третий этажи выстроил в форме ротонд, окруженных колоннами.

Здесь и была спальня графа, где стояла его кровать французской работы, весьма красивая и дорогая, а около неё – большое кресло, в котором сейчас дремала молодая графиня. На столике горела свеча под зелёным абажуром, через окна лился лунный свет.

Мягко ступая по персидским коврам, лежащим на наборном деревянном полу, я неслышно подошёл к кровати, однако граф тут же открыл глаза:

– А, господин философ! – он звал меня так потому, что когда-то я окончил философский факультет Московского университета. – Поболтать пришёл? Что же, давай поболтаем, а то лежу тут и помираю от скуки.

– Батюшка, вам не надо разговаривать, – встрепелась молодая графиня. – Надобно беречь силы.

– Полно, Нинушка, жизнь прошла, а для того чтобы умереть, кому сил не доставало? – возразил граф.

– Батюшка! – с укором произнесла она и недовольно взглянула на меня: – Вы, Алексей Андреевич, лучше бы сказали ему, что нужно отменить приглашение на именины, пока не поздно: где уж нам теперь гостей принимать!

– Глупости! – перебил он её. – Что в Москве подумают, если граф Орлов от своих именин откажется? Когда мне пятьдесят было, вся Москва месяц гуляла; шестидесятые свои именины я пропустил из-за императора Павла Петровича, который не мог мне простить смерти отца своего, такого же сумасшедшего, как он, и вынудил по заграницам скитаться, – так неужели я семидесятые именины пропущу? Да если бы у меня лишь последнее дыхание осталось, так и на нём именины справил бы. И не спорь со мною напрасно, Нинушка, – как я сказал, так и сделаю, ты меня знаешь!

Графиня Анна Орлова, дочь Алексей Григорьевича

После этой тирады граф ослабел и уронил голову на подушку; графиня Анна Алексеевна вытерла ему пот со лба и дала отпить глоток какого-то снадобья из фарфоровой чашки. Грудь графа тяжело вздымалась, его лицо побледнело, а руки судорожно перебирали одеяло; он был действительно очень плох.

— Ваше сиятельство, — сказал я, когда ему немного полегчало, — если вам угодно узнать моё мнение, именины отметить нужно, поскольку приглашения уже разосланы, однако не стоит

их растягивать. Пышное празднество вряд ли уместно сейчас, когда всего три месяца прошло после заключения мира¹, окончившего злополучную для нас войну с Наполеоном в Австрии и Пруссии, и многие московские семьи ещё не сняли траур по погибшим мужьям, сыновьям и братьям своим. Наполеон подобно...

– Наполеон! Что такое Наполеон?.. – перебив меня, презрительно фыркнул граф. – Воевать разучились, вот что я скажу. При матушке-императрице такого позора не было: тогда ни одна пушка в Европе без нашего позволения выстрелить не смела. А ныне измельчала Россия и люди стали не те, – граф махнул рукой. – Ну да ничего, не такое переживали, переживём и это! Российские жернова всё перемелют, одна мука останется.

– Батюшка, умоляю, прислушайтесь к словам Алексея Андреевича, – вмешалась молодая графиня.

Главный дом усадьбы графа Орлова на Донском поле в Москве

Граф задумался.

– Ладно, будь по-вашему, – наконец согласился он с видимой неохотой. – Но в самый день именин ни в чём меня не ограничивайте: может, в последний раз их справляю.

¹ Мир, заключенный 25 июня 1807 года в Тильзите между его императорским величеством Александром I и Наполеоном Бонапартом. – *Прим. Алексея Кривошеина.*

* * *

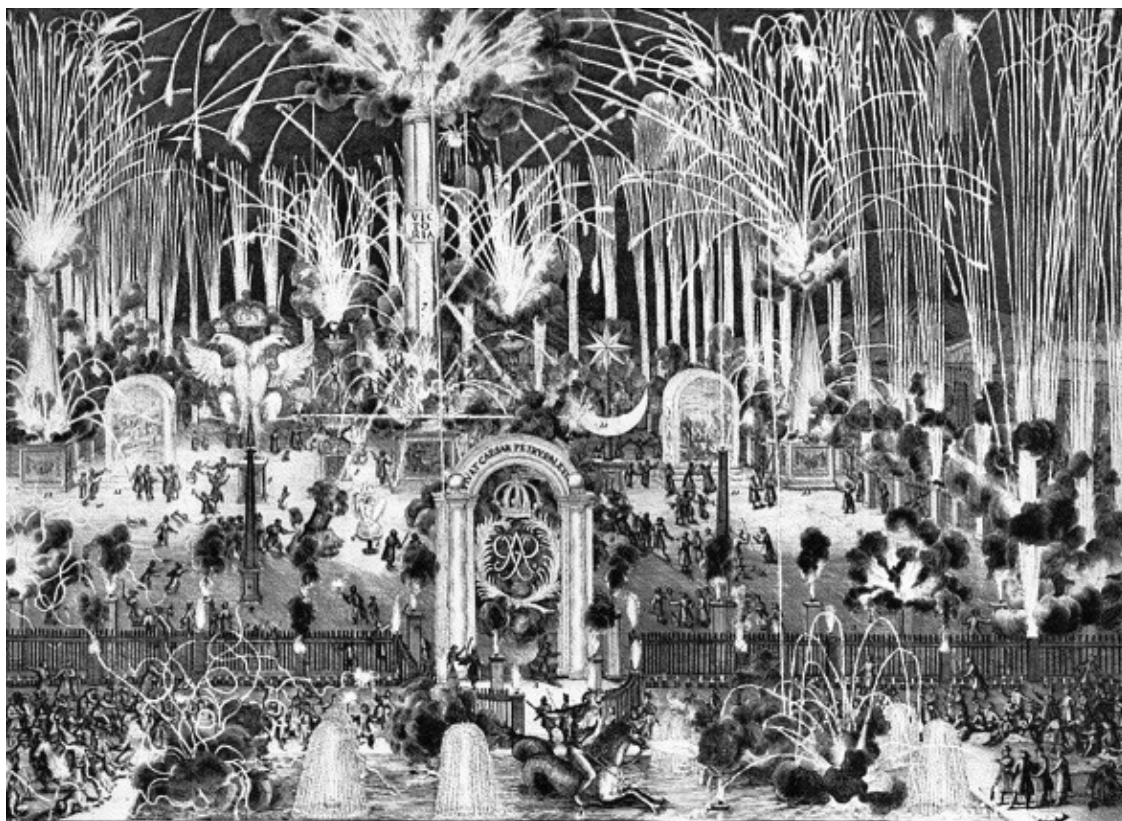
Накануне именин графу Алексею Григорьевичу всё ещё было плохо, но утром он встал с постели бодрым и свежим, будто совсем не болел, – а когда он вышел в парадном мундире при всех регалиях, никто не усомнился бы, что это прежний граф Орлов, вершитель судеб России, имя которого навеки вписано в историю её.

На дачу графа на Донском поле приглашены были только знатнейшие особы по билетам. Прочих гостей поручено было угощать в Нескучном саду, доставшемся Алексею Григорьевичу от брата его. От Калужских ворот до Донского поля и Нескучного сада по обеим сторонам дороги сделаны были перила, сплошь уставленные зажжёнными плашками. На самой дороге стояли триумфальные ворота, освещённые разноцветными фонарями. В эти ворота проезжали кареты, тянувшиеся длинной цепью от Москвы до Донского поля.

Господский дом со всеми строениями, равно и прекрасный сад с деревьями, иллюминирован был удивительно. В разных местах представлялись огненные фонтаны, как будто изливающие вверх блестящее золото. Прибытие гостей возведено было пушечной пальбой и фейерверком, чудесным образом составившим в небе надписи «А.О.» и «70».

В доме начался великолепный бал, который окончился лишь на рассвете, но многие из гостей уехали лишь к вечеру; никого не выпроваживали, чтобы каждый мог вволю насладиться всеми прелестями праздника.

Граф Алексей Григорьевич не спал ни минуты на протяжении суток, однако сохранял прежнюю бодрость, на что не все, даже молодые, его гости оказались способны. Более того, на следующий день, отдохнув часов пять или шесть, он пожелал продолжить празднование в узком кругу, перенеся оное в Нескучный сад, откуда открывается великолепный вид на Москву – от Кремля до Воробьевых гор.

Фейерверк в Москве

Для домашнего праздника граф переоделся и был теперь в русской рубахе из белого шёлка, плисовых алых шароварах, в таком же кафтане и сафьяновых красных сапогах. Парик, который он по старой моде надевал в торжественных случаях, был снят, пудра с лица смыта, так что явственно был виден глубокий шрам на левой щеке – след от раны, полученной в молодости.

Стол, выставленный на лужайке возле Чайного домика, – небольшого, но красивого здания с четырьмя коринфскими колонами, – ломился от всевозможных яств, преимущественно русской кухни: здесь можно было увидеть исполинскую белугу и цельных осетров на огромных золотых подносах; молочных поросят и наисвежайшие окорока; чёрную и красную икру в глубоких чашах; горы фруктов и сладких лакомств в высоких, искусно сделанных вазах из горного хрусталя, – и многое, многое, многое другое. В золотые и хрустальные графины были налиты водка разных сортов и всяческие настойки; помимо этого, стояли бутылки с французскими, итальянскими и немецкими винами.

Глядя на сие изобилие, я недоумевал: зачем нам столько? Ведь нас было всего четверо: сам граф Алексей Григорьевич, племянник его Григорий Владимирович, сын младшего из пяти братьев Орловых (старшие братья Иван и Григорий, а также Фёдор, следующий за Алексеем Григорьевичем, уже умерли, а младший брат Владимир безвыездно жил в своём имении, совершенно разочаровавшись в людях), затем графиня Анна Алексеевна и я. Моё недоумение разъяснилось, когда после первых заздравных речей в честь графа в саду зазвенели гитары и бубны и полились цыганские песни. Надо сказать, что Алексей Григорьевич очень любил цыганские песни и танцы: именно благодаря ему они стали любимы и в Москве, ибо это он привёз к нам первый цыганский хор из Валахии.

Бал в дворянском доме

Поняв, что цыгане тоже будут гостями на празднике, молодая графиня с неудовольствием заметила:

– Батюшка, вы нездоровы и устали за эти дни, а с цыганами снова будет гуляние до утра. Вы губите себя.

– В последний раз, Нинушка, в последний раз, – вздохнул граф. – Эх, не понимаешь ты пения цыганского – в нём сама душа поёт, радуется и тоскует! С такой песней и смерть сладка, – правда, племянничек? – взглянул он на Григория Владимировича.

– Наверное, – кивнул тот, впрочем, довольно холодно. – В этом есть что-то первозданное, впрочем, много заимствовано от испанцев.

– Ты у нас большой знаток иностранщины, недаром тебя за немца принимают, – насмешливо сказал граф (Григорий Владимирович был высокого роста сухощавым блондином с бледным лицом и оловянными глазами) и крикнул цыганам: – Эй, ромалы, ну-ка погромче! Гряньте так, чтобы черти в аду сдохли!..

Вскоре графиня Анна Алексеевна покинула нас, сказав, что у неё голова разболелась; граф не возражал. Сразу же после её ухода он пригласил цыган к столу и принялся угощать их. Между тем уже стемнело, на ясном небе зажглись звёзды: наступила прохладная осенняя ночь. Цыгане разожгли костры, и мы усадились перед огнём.

– Что ты всё молчишь, господин философ? – спросил он меня. – Или тебе тоже цыганское пение не нравится?

– Напротив, я большой его любитель, ваше сиятельство, – ответил я. – Не знаю, каким образом, но этот неучёный народ постиг глубинные тайны души человеческой – и радость, и тоску её, как вы правильно изволили заметить. В простых цыганских песнях есть такое откровение, которое ни вера, ни наука не способны постичь – разве что искусство.

– Вот молодец! – сказал граф и расцеловал меня. – Я тебя тоже порадую... Ляля, Ляля, Лялечка! – позвал он. – Иди к нам, моё солнышко, спой для меня и моего сердечного друга Алексея.

К. Швенигер. Галантное общество в парке

Молодая цыганка подошла к нам и весело взглянула на графа:

– Для такого барина до утра петь буду. Какие песни хочешь услышать? Грустные или задорные?

– Давай задорные, – вместо графа ответил Григорий Владимирович, заметно оживившийся при виде цыганки. – На вот, прими десять рублей от меня.

– Э, нет, от тебя не приму – ты хоть и Орлов, да не тот, – дерзко ответила Ляля. – Я для настоящего графа Орлова спою.

Григорий Владимирович смутился от таких слов, а граф расхохотался:

– Цыганку не купишь! Она сама выбирает, кого своим вниманием одарить... Пой, Ляля, пой!..

Охота на медведя

После пения Ляли он ещё более оживился, тряхнул головой и воскликнул:

– Аж кровь в жилах закипает, будто помолодел на пятьдесят лет! Юность вспомнилась, благословенное житие наше в родовой тверской деревеньке: мы с братом Иваном и Григорием лихо тогда жили!.. Жаль, что твой отец, – обратился он к Григорию Владимировичу, – поздно родился и в наших забавах не участвовал... Ну что ты опять морщишься? Ты же Орлов, в тебе тоже должен наш природный кураж быть! Без него чего бы мы стояли? С ним на высоты вознеслись, а бывало, он нам жизнь спасал. Знаешь, как наш дед, а твой прадед, плахи избегал? Служил он стрелецким сотником, когда Пётр Великий только начал править Россией. Стрельцы учинили тогда против него великий бунт, за что должны были сложить головы на плахе. И вот подходит наш дед к плахе, а перед ним сам царь Пётр стоит, смотрит на казнь и своей спиной дорогу загораживает. «Отодвинься, государь, – говорит ему дед. – Здесь не твоё место – моё». А тут как раз очередная голова из-под топора палача скатилась. Дед глянул на палача с усмешкой и отбросил голову в сторону ногой: «Славно рубишь, брат, – уж постарайся так же и для меня!» Царю Петру так понравилось это бесстрашное озорство, что он приказал деда помиловать.

А. Деходенк. Цыганский танец

...Да, без куража в жизни некуда, без него даже на охоту не ходят, – продолжал граф, – а охота в наших краях была знатная, но самая захватывающая – на медведя... Тверские леса глухие, непроходимые, а наша деревенька среди тех лесов затерялась так, что не отыщешь. Пока отец жив был, поместье было исправное, а как умер, родственнички всё по кускам растащили. При отце они и пикнуть не смели – он был генералом, службу ещё при Петре Великом начинал, – а как умер, совести хватило обобщать вдову с пятью детьми.

Хозяйство наше было самое простое: дом – одно название, что господский, а на самом деле та же изба, только побольше и почище: строили его свои же мужики. Когда соседи оставались у нас ночевать, спать их укладывали на сеновале – больше негде было. Одевались мы в домотканину – холстину, которую нам ткали деревенские бабы, – и роскоши никакой ни в чём не знали.

Зато с мужиками у нас было полное согласие: не было такого, как ныне, чтобы господа – это одно, а мужики – другое, будто из разного народа они. Тогда о господском и мужицком одинаково заботились: наша матушка Лукерья Ивановна знала, у кого из мужиков хлеб уродился хорошо, а у кого – плохо, и давала мужикам хлеба, невзирая на то, возвращён старый долг или нет. В деревенской жизни она принимала живейшее участие: свадьба ли, крестины ли, похороны – всегда отправит подарочек со своего стола; мужики, в свою очередь, в престольные праздники и домашние наши именины к ней с поздравлениями приходили.

* * *

Мы с братьями также среди мужиков росли, во многих деревенских забавах вполне участвуя. Хаживали с мужиками и на медведя: об этом сейчас расскажу.

М. Клодт. Усадьба

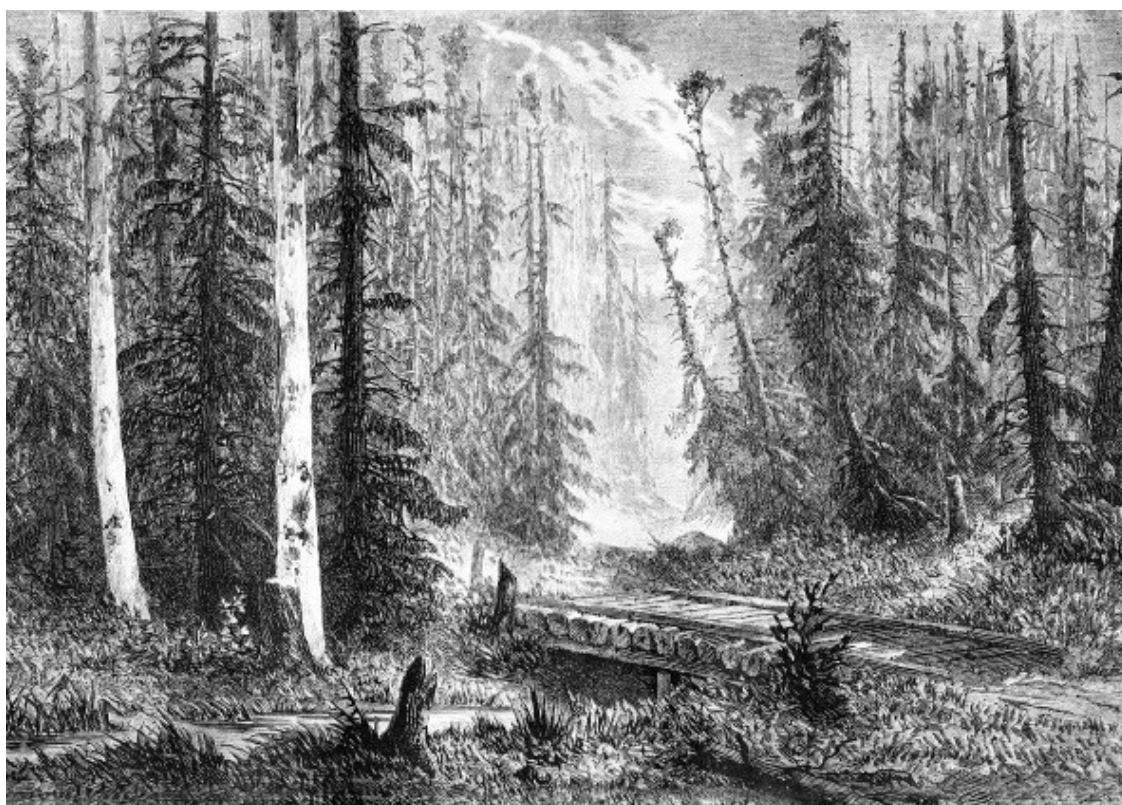
Старший брат Иван к тому времени уже в Петербург уехал, а младший, Владимир, ещё мал был, потому состояла наша компания из Григория, Фёдора и меня. На медвежью охоту мы с братьями давно хотели пойти, но матушка не позволяла: опасное, де, это дело. Однако как-то в конце зимы мужики нашли в лесу берлогу и решили бурого поднять. Тут-то мы к матушке и пристали: отпусти, мол, родная, что же это – скоро и нам в Петербург на службу отправляться, эдак мы ни разу на медвежью охоту не сходим! Как ей не согласиться? – отпустила она нас, но велела от Ерофеича, опытного медвежатника, ни на шаг не отходить.

Мы сразу к Ерофеичу побежали, а он уже собирается, готовится к завтрашней охоте.

– Разрешила, стало быть, барыня? – говорит он. – Что же, таким молодцам отчего не потешиться? Только уговор: во всём слушаться меня и никакого самовольства не допускать. Медведь – зверь опасный, от него немало народу погибло; чуть зазеваешься, пиши пропало!

Мы поклялись, что ни в чём Ерофеича не ослушаемся.

– Ну, добре! Тогда давайте распределим, кому что делать. Берложья рогатина будет у меня, и я на неё медведя приму. Вот, глядите, какая она, – показывает он. – Рогатина знатная: наконечник старинный, заточенный с обеих сторон, что бритва. Поперечину я сам из рога сделал: она нужна, чтобы рогатина слишком глубоко в медведя не зашла, а то он живучий и когти у него длинные – даже издыхая, он может тебя достать... Древко из рябины – весной срубил и провялил, но не высушил полностью; такое древко прочное, не расколется, а чтобы в руках не скользило, я его – видите? – ремнями обмотал.

Русский лес. Гравюра

Есть такая байка, что рогатину в медведя вонзают, когда он на задние лапы встаёт, а для этого надо перед ним шапку кинуть. Чушь на постном масле! Медведь встаёт на задние лапы только от любопытства, а на обидчика он бросается с опущенной головой. Поэтому рогатиной его надо колоть, как копьём, в шею или сердце. Если же он от меня увернётся, мужики на него собак спустят, а собаки у нас наученные, они его к дереву прижмут, – тут надо бить вдругоряд и наверняка. Вот тогда ваш черёд настанет: ты, Григорий Григорьевич, сильнее всех братьев, потому возьми рогатину, которая у нас «догонной» называется, она поменьше, но тоже хороша – постарайся ею в печень медвежью ударить. Ты, Алексей Григорьевич, страха не ведаешь и в опасности рассудка не теряешь, так возьми нож длинный, булатный: бей им медведя, если крайность настанет! А ты, Фёдор Григорьевич, среди братьев самый быстрый и ловкий, – так вот тебе острый кол: им можно медведя под удар направить, а куда – на месте смекнёшь... А теперь ступайте спать, соколики, завтра до света вас подыму...

Точно, поднял он нас задолго до рассвета, – а на улице уже мужики с собаками ждут, – и пошли мы в лес. Идти было тяжело: снег глубокий, ноги проваливаются даже в снегоступах,

а тут ещё ветер поднялся, с вершин елей снежные комья падают. Но мы идём, усталости в помине нет, – скорее бы до места добраться!

– Эх, как бы медведь на меня вышел! – говорит Григорий, а у самого глаза блестят. – Я бы его голыми руками завалил. Что мне медведь: я могу кулаком быка убить!

– Да я бы не сплеховал, – вторит ему Фёдор. – У меня такой силы нет, но ловкость тоже не последнее дело.

– Не спорьте, братья, – успокаиваю я их. – Мы – Орловы, и сама фамилия нас первыми быть обязывает. Я буду не я, если мы себя не покажем...

– Эй, соколики, чего расшумелись? – поравнялся с нами Ерофеич. – Не терпится? Скоро уже... Видите, дерево вывороченное лежит? Вот под ним бурый берлогу себе вырыл. Нипочем мы его не нашли бы, если бы не оттепель: медведь в оттепель просыпается и выходит подкормиться; по следам его и нашли. Хитрый зверь: возвращался он задом наперёд, чтобы следы запутать, – ну, да мы тоже не лыком шиты...

В. Муравьев. Медведь в лесу

Подходим к берлоге; собаки оцетинились и глухо эдак забрехали.

– Тихо, волчья сыть! – цыкнул на них Ерофеич. – Ваше время ещё не пришло... Ну, мужики, с Богом! Поднимайте бурого... Я впереди встану с рогатиной, а барчуки за мной в ряд.

Мужики подошли к дереву и давай под корни колями тыкать. Мы изготовились, но вначале ничего не было: зверь не выходит, и всё тут! С четверть часа, наверное, это продолжалось, а потом вдруг как выскочит медведь, но не из-под корней, откуда мы его ждали, а со стороны.

– С запасного хода пошёл! – крикнул Ерофеич. – Теперь держись! Собак спускайте, собак!

Собаки на медведя набросились; он до толстой ели добежал, сел к ней спиной и отбивается. Удары страшные наносит: одна, вторая, третья собака с визгом отлетели, а он ощерился и ревёт – здоровенный медвежина, аж страсть!

Ерофеич, однако, не растерялся: подскочил к нему и вонзил-таки рогатину в грудь. Медведь ещё громче взревел, махнул лапой, ударил по рогатине – и Ерофеич на ногах не удержался, упал. Тут зверюга на него кинулся, ломать начал, но Григорий вовремя подоспел: воткнул рогатину прямо медведю в печень и держит. Но зверь и здесь не сдался: не знаю, как он вывернулся, однако в одно мгновение оказался прямо перед нами. В кровище весь, но прёт на нас, разъярённый, отомстить хочет за свою погибель.

Фёдор как завопит и острым колом в морду ему вдарил; медведь повернулся и на мгновение снова грудь под удар открыл – вот тут-то мой черёд и настал: нож мой вошёл точно в медвежье сердце! Издал зверюга предсмертный рык и упал, но всё-таки достал меня когтями напоследок. Вот она, зарубка медвежья, – граф закатал рукав и показал шрам, – на всю жизнь осталась... А шкуру его мы домой принесли и на стену повесили: она всё место от пола до потолка заняла. Матушка заахала: «Знала бы, что вы на такое чудовище пошли, никогда бы не отпустила!»

К. Высотский. Былая потеха (На медведя с рогатиной)

Ерофеич после той охоты нас зауважал, а ко мне в особенности проникся. Когда я в Петербург на службу поехал, Ерофеича матушка со мной отправила: был он мне и дядька, и слуга верный, а после спас от смерти в Чесменском бою, свою жизнь за мою отдав, – впрочем, это я далеко вперёд забежал – если уж рассказывать, то всё по порядку.

Соперник

– Покажи медвежью зарубку ещё раз, – сказала Ляля, подсевшая к нашему костру и внимательно слушавшая рассказ графа.

– Смотри, – он опять закатал рукав. – Зачем тебе?

– А вот зачем, – поцеловала шрам Ляля.

– Голубка ты моя! – обнял её граф. – Как бы мне годков двадцать скинуть, увёз бы я тебя куда-нибудь на край земли – ей-богу, увёз бы!

– Сейчас увези! – возразила Ляля. – Какой ты старый, ты моложе молодых, – она покосилась на Григория Владимировича.

Тот закашлялся:

– Однако холодает... Не зайти ли нам в дом?

– Иди, мне не холодно, – отказался граф. – Эй, кто там у стола?.. Водки мне большую рюмку и закусить!.. Выпьешь со мной, господин философ? – спросил он меня.

– Не откажусь, – согласился я.

– И я выпью. Дайте и мне водки, – внезапно попросил Григорий Владимирович.

– Это по-нашему! – обрадовался граф. – Узнаю орловскую породу.

– И мне дайте, – как не выпить с таким барином? – проговорила Ляля, опустив голову на плечо Алексея Григорьевича.

– ...А теперь песню – удалую цыганскую песню! – сказал граф, когда мы выпили и закусили. – А ты спляши, Ляля, потешь моё сердце!

– Потешу я твоё сердце, Алексей свет Григорьевич! – Ляля встала у костра и крикнула что-то цыганам на их языке. – Смотри же, как Ляля для тебя плясать будет!

К. Маковский. Танцующая цыганка

Цыгане заиграли и запели, вначале медленно и тихо, потом всё быстрее и громче, – и так же медленно, а потом всё быстрее плясала Ляля. В её танце не было правильности, не было

определённых фигур и движений, но сам он был одно движение. Искры от костра взлетали к небу, огонь то разгорался, то затухал, и всё это – музыка, песня, танец и огонь костра – сливалось в какую-то невообразимую и необыкновенно притягательную пляску, на которую хотелось смотреть ещё и ещё, так что, когда резко оборвался последний звук гитары, я невольно вздохнул.

Граф был в восторге:

– Ах, ты, голубка черноокая!.. Возьми от меня этот перстенёк за дивное умение твоё, – он снял перстень с бриллиантом со своего мизинца.

– Нет, Алексей Григорьевич, не возьму – не обижайся, барин милый, но не ради такой награды я плясала, – отказалась Ляля. – Ласковое слово твоё дороже стоит.

– От графа Орлова не берёшь? – сказал Григорий Владимирович, усмехаясь.

– Многие от графа Орлова подарки получали, а я не взяла – разве это не большего стоит? – тряхнула прядями чёрных волос Ляля.

– Ай да Ляля, – тоже ведь философ, а? – граф посмотрел на меня.

– Ещё какой, ваше сиятельство, – согласился я.

– Хочешь послушать далее про жизнь мою? – спросил граф, обнимая цыганку и сажая её возле себя. – Не скучно тебе?

– Мне про тебя всё интересно, – возразила Ляля. – Где ты, там скуки нет.

– Что же, слушайте дальше... В Петербурге меня определили в кадетский корпус, но недолго я там оставался – и возраст был не тот, и к зубрёжке охоты не было, а по-другому там не учили: знай, зубривай всё наизусть. Да и учителя были хуже некуда: бывшие кадеты, которые в прапорщики не вышли и от безысходности в корпусе остались, или отставные военные, из-за своих недостатков из армии списанные. По счастью, сослуживцы отца, помнившие его по петровским походам, составили мне, как и братьям моим, протекцию: я был принят, хотя и простым солдатом, в Преображенский полк, Григорий – в Измайловский, Фёдор – в Семёновский.

Кадет в мундире. Середина XVIII века

Петербург меня так поразил, что первое время я ходил по городу разиня рот. Какой простор, какие красоты; вот уж поистине столица великой империи! Главная улица – Невский проспект – широченная и за горизонт уходит, а дома на ней только каменные, ни одного деревянного, их указом строить было запрещено. Каждый дом в два этажа и узорчатой чугунной решеткой ограждён.

На набережной тогда строили Зимний дворец для государыни-императрицы Елизаветы Петровны, а был ещё Летний, тоже удивительной красоты – с садом, галереями, террасами и фонтанами. Далее Смольный собор возводили, – тысячи солдат и мастеровых сюда согнали на работу, – и ничего величественнее этого собора я в жизни не видал. Жаль, что недостроили: в алтаре кто-то наложил на себя руки, и поэтому службу в храме нельзя было сто лет совершать...

А какая жизнь в Петербурге была: всё бурлило, всё двигалось! Днём по улице иной раз не пройдёшь, возы со всякой всячиной непрерывно тянутся, – а на Неве стоят корабли из Европы; барки, лодки, плоты сотнями места ищут у пристаней.

По вечерам в богатых домах балы и маскарады начинались один пышнее другого, и на них такая разодетая публика съезжалась – я и не знал, что такие наряды бывают! Их шили по новейшей французской моде лучшие портные из Франции: в обычай это было введено гетманом Разумовским, братом давешнего фаворита императрицы Елизаветы, и Иваном Шуваловым, новым фаворитом её, – оба были большие щеголи и модники.

* * *

Вылезши из своих лесов, я сперва чувствовал себя в Петербурге чужим: учения ведь не было у меня, считай, никакого – хорошо, хоть грамоту знал. А тут по-французски говорят, на балах танцуют, вирши пишут и высокоумные беседы ведут. Ну, кто я при этом? – медведь медведем! Однако вскоре наострился: несколько слов французских затвердил, большего по сей день не знаю, из разговоров кое-чего запомнил, а главное, танцам выучился. Ничего, обходился как-нибудь: в конце концов, от солдата учёность не требуется – были бы смелость да отвага, да верная служба российскому престолу!

Жерар де-ла-Барт. Вид Дворцовой набережной от Васильевского острова, Санкт-Петербург

Наш полк имел свои казармы, весьма приличные, но там жили офицеры и старослужащие, а солдаты и новички квартировались отдельно, кто где мог, и надзора за ними не было никакого. Служба была неустойчивой: надо было лишь являться на дежурства, смотры и парады – а в остальном живи, как хочешь.

Мы, гвардейцы, всегда были на особом положении, так со времён Петра повелось. Офицерские звания в гвардии были выше армейских, жалованье тоже больше, но, главное, мы при высочайших особах службу несли, при самом императорском дворе. Гвардия могла в любой момент потрясение в верхах государства произвести – и производила! Начиная от Екатерины Первой ни одно восшествие на престол без гвардии не обходилось, и государыню Елизавету Петровну тоже гвардейцы в императрицы произвели. А далее Екатерину Вторую единовластной правительницей сделали – но об этом речь впереди, не буду опять-таки забежать...

В Петербурге мы были полными хозяевами: куда ни придём, нам должны оказывать почёт и уважение, потому что гвардейцы во всём первые. Тогда повсюду бильярды поставили – и в трактирах, и в гостиницах, и даже в весёлых домах столы бильярдные стояли. Мы с братьями Григорием и Фёдором в «пирамиду» с шестнадцатью шарами изрядно играть научились и всех

обыгрывали, однако был у нас соперник – Александр Шванвич, который, впрочем, не только в бильярде, но и в иных забавах нас превосходил.

Сейчас о нём уже забыли, но в своё время в России не было не знавшего его человека. Отец Шванвича, именем Мартын, был из учёных немцев – в Россию он приехал при Петре Великом. Здесь женился, а восприемницей его сына Александра была сама Елизавета Петровна, будущая наша императрица. Взойдя на трон, не забыла она своего крестника, и Шванвич был определён в Лейб-компанию – личную дворцовую охрану императрицы. Лейб-компанцы в званиях выше нас, гвардейцев, были – Шванвич, скажем, простым гренадером служил, но чин этот равен был армейскому поручику, – но мало того, они и во всём другом превзойти нас стремились: хотели доказать, что не гвардейцы, а лейб-компанцы в Петербурге главные.

Офицеры Преображенского полка в середине XVIII века

У нас постоянно стычки происходили, но если в них Шванвич участвовал, наши гвардейцы бывали битыми: уж очень силен он был, один мог пятерых раскидать, к тому же саблей и шпагой владел мастерски. В одиночку с ним даже Григорий не мог справиться, но вдвоём мы Шванвича одолеть могли, что на деле доказали. Григорий играл как-то в трактире на бильярде с одним своим измайловцем – вдруг заходит Шванвич, а с ним лейб-кампанцы, все пьяные; они идут прямо к столу, и Шванвич предерзко заявляет:

– Ну-ка, освободите место! Настоящие игроки пришли, а вы идите гонять шары в задницу!

– Я могу шар тебе в задницу вогнать, – говорит Григорий. – А не то просто надрать её, чтобы наглости поубавилось.

– Тебе до моей задницы расти и расти, – отвечает Шванвич. – Но если ты такой смелый, давай биться на кулаках один на один: кто победит, тому бильярд и достанется.

Григорий согласился; тут же вокруг них круг образовался, всем хочется посмотреть на таковой кулачный бой: Шванвич огромный был, как Голиаф, однако и Григорий не меньше его.

Стали они драться; кулаки у Шванвича были всё равно что чугунные, – я их после на себе попробовал, – и бил он с такой силой, с какой пушечное ядро бьёт. Туго Григорию пришлось, но какое-то время продержался, а после не сдюжил – упал и дух вон! Пришёл он в себя, когда ведро воды на него вылили, а Шванвич стоит над ним и насмехается:

– Ну, кто кому задницу надрал? Это тебе урок – всегда уступай лейб-кампанцам!

Лейб-кампанцы императрицы Елизаветы

Григорий поднялся и от такой огромной обиды немедля побежал ко мне. Как рассказал он про всё, что случилось, я сразу с ним обратно в трактир направился, а у самого одна мысль в голове: как бы Шванвич оттуда не ушел. Приходим – нет, он здесь, слава богу! Я подхожу и говорю:

– С братом моим ты справился, а с нами двоими тебе не по силам биться. Не такой ты богатырь, чтобы братьев Орловых одолеть.

Он как взвился:

– А вот сейчас увидим, кто вы: орлы или воробышки!.. А вы не встречайте, – своим лейб-кампанцам приказывает, – я их сам поколочу.

Снова круг образовался, и даже деньги на спор стали ставить – кто победит?

Шванвич с нами условился со спины не заходить и под дых не бить, и начали мы мутузиться. Вот когда я его удары почувствовал – не приведи Господи, стену могли они проши-

бить! Достаётся и мне, и Григорию, но брату больше: видно, решил Шванвич его хорошенько проучить. На этом, однако, и обжёгся: настолько он братом увлёкся, что ко мне неосторожно боком повернулся и грудь открыл; тут у меня перед глазами охота на медведя встала – зверюга точь-в-точь так же под мой удар открылся. Тогда я не растерялся и теперь тоже: как двинул кулаком Шванвичу под сердце, тот и с ног долой!

Лейб-камpanцы зашумели и на нас было накинута, но Шванвич очухался и их остановил:

– Не трогать Орловых! Всё по-честному было... А с вами, – нам с Григорием говорит, – давайте так договоримся: порознь я могу сладить с каждым из вас, но вдвоём вы надо мной верх возьмёте, поэтому во избежание напрасных побоев положим между нами следующее правило: один Орлов уступает Шванвичу и, где бы его ни встретил, повинуется ему беспрекословно; если же Шванвич встретит двоих Орловых, то он им повинует. Согласны, что ли?

Мы с Григорием посмотрели друг на друга – не знаю, как я выглядел, а на брата смотреть было страшно: лицо всё заплыло, сплошной кровоподтёк, одного глаза вовсе не видно, второй в узкую щелочку мир наблюдает, – и согласились.

В. Хогарт. Оргия в таверне

* * *

– Вот такой договор со Шванвичем у нас был заключён, – продолжал граф, улыбаясь своим воспоминаниям, – но скоро мы его нарушили. Однажды Шванвич, уже хмельной, встретился с нашим братом Фёдором всё в том же трактире. Подойдя к Фёдору, он выхватил у него кий и грубо сказал:

– Договор дороже денег: ты, Орлов, сейчас один, а значит, должен повиноваться мне беспрекословно. Я буду на бильярде играть, а ты убирайся из трактира!

– У меня тут вино и девицы оплачены, – пытался возразить Фёдор.

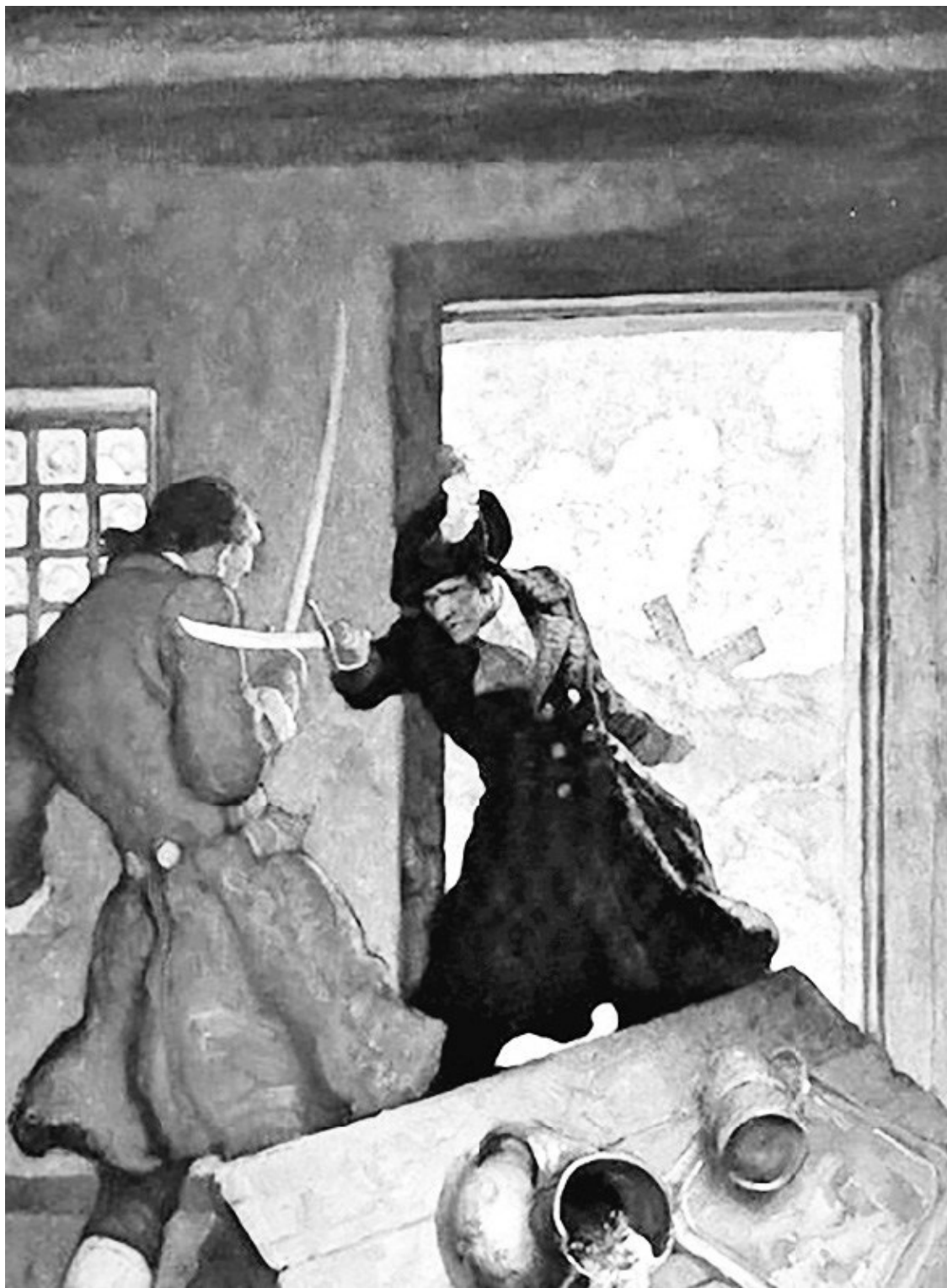
– Оплачено тобою, а воспользуюсь я, – ухмыляясь, отвечал Шванвич. – Пошёл вон!..

Фёдор галопом ко мне; я иду с ним в трактир, и вот нас уже двое Орловых, а значит, Шванвич обязан уступить, однако он воспротивился:

– Это что за новости?!.. Эдак вы вечно будете один другого приводить – нет, считать надо по первой встрече!

Я Фёдору знак подал, и мы Шванвича в тот же миг за руки схватили и к выходу потащили. Он ругается непотребно, но вытолкали-таки мы его из дверей; не будь он так пьян, вряд ли мы с ним справились бы – сила у Фёдора была не та, что у Григория.

Однако то, что Шванвич пьян был, сыграло со мной злую шутку. Хмель ударил ему в голову, и он пришёл в бешенство, притаился за воротами и стал дожидаться моего выхода. Мне бы переждать в трактире, тем более что и Фёдор уговаривал, и девицы были хороши, и вино неплохое, однако настроения чего-то не было; вышел я через несколько минут из дверей, тут Шванвич на меня и налетел. Шальной был совсем – рубил саблей наотмашь; если бы не был он пьяный, мог бы насмерть меня зарубить, а так лишь левую щёку разрубил, впрочем, довольно глубоко. Я упал, а он бежать бросился: нёсётся с окровавленной саблей по улице, ничего не соображая.

Н. Витт. Нападение

Я встал, щёку платком повязал и пошёл домой – не в трактир же было возвращаться. Дома Ерофеич увидел, что со мною случилось, и давай меня ругать:

– Что же это ты вытворяешь, Алексей Григорьевич! В гуляку беспутного превратился, голь кабацкую – ох, рано умер твой батюшка: он бы не посмотрел на твой мундир, взял бы палку да дурь из тебя повыбил бы!

– Молчи, дурак! – говори я ему. – Как ты смеешь со своим барином так разговаривать?

– А вот и не замолчу – что, правда глаза колет? – не сдаётся он. – Я сколько раз на медведя в одиночку хаживал, так неужто барчука неразумного испугаюсь? Ваша матушка наказывала мне за вами смотреть и от всяких бед оберегать – вы среди братьев самый отчаянный!

Поругались мы ещё маленько, а потом он начал рану мою лечить. Велел терпеть – и сперва двойной водкой её обработал, затем зашил шелковой ниткой, будто рваный камзол, в другой раз водкой облил, а остаток дал выпить. Ничего, зажило как на собаке, но след остался на всю жизнь, – граф потёр щёку. – ...А Шванвич от нас долго скрывался, особенно опасаясь Григория, который поклялся из-под земли его достать.

Через несколько времени произошёл переворот, возведший Екатерину на престол, а нас – на первую ступень государства. Шванвич, видно, уже почитал себя погибшим, однако я зла на него не держал: когда Шванвича почему-то сочли защитником свергнутого Петра Фёдоровича и в крепость поместили, я пришёл его освободить. Увидев меня, он побледнел – решил, наверно, что на казнь его поведу, – но я ему сказал:

– Кто старое помянет, тому глаз вон! Давай-ка обнимемся и забудем былое; я тебя всегда за силу и смелость уважал – будем приятелями!

Он даже прослезился:

– Ну, Орлов, отныне я твой раб! Прости меня за то, что я тебе и братьям твоим сделал, – а приятелем твоим быть для меня большая честь!

Чтение приказа. Гравюра XVIII века

Вот так мы с ним подружились, а вскорости я ему ещё немалые услуги оказал. После освобождения Шванвича перевели в Ингерманландский карабинерный полк, который был отправлен на постоянные квартиры в Торжок, – там Шванвич какого-то купчишку так отлупил, что дело до суда дошло, а затем и до государыни. Снова я за него вступился, и всё обошлось, слава богу!.. Однако тут другая беда пришла: сын Шванвича, Михаил, попал в плен к Пугачёву и имел глупость служить злодею со всеусердием. Потом, правда, сбежал и явился к законным

властям с повинной, но был отдан под следствие вместе с другими пособниками Пугачёва и ожидал неминуемой смерти. Опять я перед государыней хлопотал, и она всемилостивейше заменила смертную казнь на вечную ссылку.

Шванвич сам благодарить меня приехал и такой обед устроил, что начали мы гулять в пятницу, а закончили во вторник – через две недели. Вот уж была гулянка так гулянка!..

Дворцовый переворот

Алексей Григорьевич замолчал, глядя на огонь и продолжая улыбаться; у других костров цыгане продолжали петь вполголоса, почти не нарушая тишину ночи.

– Много на тебе зарубок жизнь оставила, а ты по-прежнему орлом паришь, – задумчиво сказала Ляля, поглаживая рубец на щеке графа.

– Мы с судьбой квиты: бить она меня била, но и давала немало, – возразил граф. – Кем я был до переворота, приведшего к власти Екатерину? – бедный солдат, и всё! А после на такую высоту вознёсся, на которую редко кто поднимается – разве что орёл? – усмехнулся он.

– Надо ли об этом сейчас рассказывать, дядюшка? При посторонних? – Григорий Владимирович выразительно посмотрел на меня и цыганку.

Дж. Гринвуд. Пирушка

– Про Орловых столько небылиц сочинили, что давно пора было рассказать, – и если не теперь, то когда? Может, не доведётся уже, – спокойно ответил граф. – Я во многих наиважнейших для государства делах участвовал и если о том понапрасну не болтал, то единственно из нежелания чужие тайны выдавать. А ныне чего опасаться: тайны сии пылью покрылись, и людей, к ним причастных, давно на свете нет... А про себя скажу – я никогда никого не боялся, напротив, меня боялись, – граф выпрямился и сверкнул глазами. – Государыня Екатерина Алексеевна так прямо и говорила, что Алексей Орлов – самый опасный в России человек и может даже её, императрицу всероссийскую, жизни лишить. Это она про смерть своего покойного супруга забыть не могла, хотя сама этой смерти пуще всех желала, но пришлось бы, и её я не пощадил бы – а чего щадить, если бы она дурно и зло правила?.. При недоброй памяти императоре Павле был у меня разговор о нём с моей давнишней приятельницей Натальей Загряжской, бывшей фрейлиной царского двора. Я тогда за границей жил, удивляясь, как в России такого урода, как Павел, терпят. «А что же прикажешь с ним делать? Не задушить же его, батюшка?» – говорит мне Загряжская. «А почему же нет, матушка?» – отвечаю я.

– Дядюшка! – с ужасом воскликнул Григорий Владимирович.

– Ты не совсем Орлов, если так ужасаешься, – с каким-то запредельным задором сказал граф. – Был бы ты настоящий Орлов, понимал бы, что дерзать надо на самое наибольшее, а на меньшее нечего и размениваться. Мы с братьями это хорошо понимали, поэтому достигли

тех высот, от которых дух захватывает, – ну, и случай помог, конечно: без удачи и грибов не соберёшь...

К. Христинек. Алексей Орлов в молодые годы.

Однако обо всём по порядку. Перевороты не нами были начаты: от Екатерины Первой так повелось, я уже говорил. Императрица Елизавета Петровна, гвардией на престол возведённая, хотела с переворотами покончить и потому, едва корону надев, наследником своего племянника Петра Фёдоровича назначила – своих-то детей у неё не было, если не верить слухам о том, что дочь она родила от Алексея Разумовского. Об этой дочери никто в России не знал, а через много лет она вдруг в Европе из небытия возникла и права на престол российский предъявила. Матушка-императрица Екатерина Алексеевна сильно всполошилась и повелела мне, поскольку я тогда в Европе находился, сию самозванку любым способом в Россию доставить. Что же, приказ императрицы я выполнил, о чём далее также расскажу...

Петра Фёдоровича иначе, как «уродом», у нас не называли – позже такого же звания удостоился сын его Павел, но тот ещё большим уродом был... Уже сама внешность Петра Фёдоровича несуразной была: тщедушный, нескладный, ноги кривые, живот торчит, а плечи узкие, рот широкий и глаза навывкате – лягушка лягушкой! Но внешность ещё что – во внешности своей он, в конце концов, не повинен был: какую рожу бог дал, с такой и ходи! – хуже было с его привычками и поведением. Хотя по материнской линии был он русским – матушка его Анна Петровна старшей сестрой Елизавете Петровне приходилась, – но русского в нём было мало. Вырос он в немецких землях, где матушка его в замужестве жила; умерла она рано, он её и не помнил, а немцы его по-своему воспитали. Однако и в этом большой беды нет – императрица Екатерина, скажем, не единой капли русской крови в себе не имела, но истинно русской по духу стала, немало старания к тому приложив, – если бы Пётр Фёдорович любил Россию и обычаи её, а не пренебрегал ими. Он по-русски так и не выучился говорить толком и говорил на русском языке редко и весьма дурно; о России же отзывался так, что хуже некуда, – однажды обмолвился: «Затащили меня в эту проклятую Россию, где я должен считать себя

государственным арестантом, тогда как если бы оставили меня на воле, то теперь я сидел бы на престоле цивилизованного народа».

А. Антропов. Портрет Петра III

Прусские порядки во всём выше российских ставил, церковь православную хотел на лютеранский манер переделать, а кумиром его был Фридрих Второй, которого он за наилучшего правителя в мире почитал. При императрице Елизавете мы побии Фридриха, но едва

она умерла, как Пётр Фёдорович военные действия против Фридриха прекратил и все наши приобретения ему вернул. Посланник же прусский Вильгельм фон дер Гольц, в Петербург прибыв, стал заправлять всей политикой нашей, которую в интересах того же Фридриха проводил.

* * *

– Мы с братьями в войне с Фридрихом вполне участвовали, – продолжал граф. – Самой трудной была битва на берегу Одера около местечка Цорндорф. Нами командовал генерал Фермор, полководец опытный, но рассеянный. Выбрав позицию на берегу реки, он верно рассудил, что она будет преградой на пути Фридриха, наступавшего с противоположной стороны, но забыл принять меры к недопущению его переправы в стороне от наших войск. Пруссак немедленно этим воспользовались: переправившись через Одер, они зашли к нам в тыл, и мы оказались прижаты к реке – таким образом, эта прекрасная поначалу позиция превратилась для нас в ловушку.

Ранним утром они начали атаку; я проснулся от отчаянных криков: «Пруссак идёт!»

Солнце уже ярко светило; с высоты холма я увидел приближавшееся к нам прусское войско; оружие его блистало на солнце; зрелище было ужасное... До нас долетал страшный бой прусских барабанов, но музыки еще не было слышно. Когда же пруссаки стали подходить ближе, то мы услышали звуки гобоев, игравших известный гимн «Ich bin ja, Herr, in deiner Macht» («Господи, я во власти Твоей»)...

Первый удар принял на себя наш необстрелянный наблюдательный корпус. Но новобранцы не только не бросились наутек, но даже не стали сильно подаваться назад, встретив наступающих сначала плотным ружейным огнем, а потом и штыками.

Фридрих II, король Пруссии

Между тем прусское войско подвинулось слишком вперед и чрез то обнажило нам свой левый фланг, не имевший никакой подпоры. Фермор, заметив эту ошибку, тут же выслал конницу, которая так быстро ударила на пруссаков, что они принуждены были отступить до самого Цорндорфа. Видя успех сей атаки, Фермор приказал пехоте правого нашего крыла, развернув

каре, преследовать неприятеля, но пруссаки, бросившись со своими эскадронами на нашу конницу, опрокинули её и затем принудили и пехоту отступить с большим для неё уроном.

В полдень с обеих сторон последовал отдых; ибо обе армии были утомлены. Когда войска немного передохнули, битва закипела с новой силой. С обеих сторон дрались с величайшим ожесточением; наконец вступили в рукопашный бой. Обе армии были в большом беспорядке, но пруссаки, приученные к быстрым оборотам, скоро вступили в линии и, несмотря на наше упорное сопротивление, опрокинули нас.

Мы, отступая, бросились к реке, чтобы перейти на противоположный берег; но мосты были заранее истреблены по приказанию Фридриха, чтобы отрезать нам отступление, – однако же сие средство, употребленное Фридрихом для истребления нашей армии, спасло её. Придя к реке и не найдя мостов, мы увидели, что нам остаётся или защищать себя, или погибнуть. Понемногу наше войско начало приходить в порядок; составились разные отряды, не имевшие единого командования, но дравшиеся с небывалым ожесточением. Офицеры в сумятице выпустили из-под контроля своих солдат, но отдавали распоряжения первым попавшимся, и те выполняли их.

Это была не битва, а лучше сказать, резня насмерть. Наши солдаты дрались, как львы.

«Постоим за себя, братцы! – кричали они. – Не дадим пардону немцу, да и не примем от него: лучше ляжем все за Русь святую и матушку царицу!»

Целые ряды их ложились на месте; другие тотчас выступали вперед, оспаривая у пруссаков каждый шаг. Ни один солдат не сдавался и боролся до тех пор, пока не падал мертвый на землю. Наконец, все выстрелы были потрачены, тогда многие солдаты, отбросив оружие, грызли пруссаков зубами. Видя такое упорство, пруссаки пришли в неистовство: они рубили и кололи всех без пощады...

Прусские артиллеристы в битве при Цорндорфе. Гравюра XVIII века

Пруссакам удалось овладеть большей частью наших пушек и почти всем обозом; наши людские потери составили до пятнадцати тысяч человек. Однако войско наше не было разбито: вечером была проведена перекличка, отслужена панихида – и вновь перед глазами Фридриха возникла наша грозная армия, непоколебимо стоящая на прежнем месте!..

– Да, славная была баталия! – довольно проговорил граф, стукнув себя кулаком по колену. – И с гордостью сказать должен, что мы, Орловы, в ней тоже приращению русской славы способствовали! Особенно Григорий отличился, истинно орловскую храбрость проявив: он три раны получил, но строй не покинул и под прусской картечью выстоял. Имя его у всех было на устах – как мне сказал офицер, рядом с ним сражавшийся: «Если бы за каждого убитого пруссака гравировали на шпаге звезды, то на оружии Григория Орлова не было бы свободного места»...

* * *

– И вот все наши славные победы прахом пошли, зря наша армия кровь проливала: горько это было и обидно за Россию! – воскликнул затем Алексей Григорьевич с неподдельным чувством. – Мало того, что император всё назад Фридриху отдал, он ещё задумал в союзе с ним против Дании выступить, дабы вернуть Гольштейну, который родиной своей считал, отнятый датчанами Шлезвиг. Где тот Гольштейн, где тот Шлезвиг, какое нам до них дело? – однако по приказу императора гвардия должна была из Петербурга выступить и направиться в датский поход. А для командования нами в Россию вызваны были императором его голштинские родственники: принцы Георг Людвиг Гольштейн-Готторпский и Пётр Август Фридрих Гольштейн-Бекский; обоих произвели в генерал-фельдмаршалы, а Пётр Август Фридрих был ещё назначен петербургским генерал-губернатором.

Русские кавалеристы против пруссаков при Цорндорфе

Приказ о подготовке датского похода последней каплей стал: и раньше императора Петра Фёдоровича у нас не любили, а теперь при одном имени его скрежет зубный раздавался. Языки развязались, не чувствуя страха полицейского; на улицах громко выражали недовольство, безо всякого опасения порицая государя. Между тем известно было, что сама государыня-императрица Елизавета Петровна в последний год жизни настолько в племяннике разочаровалась, что хотела отрешить его от наследования престола, поручив управление Россией своей невестке Екатерине как более способной к царской власти. В гвардии таковое мнение все разделяли и за Екатерину Алексеевну выступить были готовы; брат же Григорий особые резоны к сему предприятию имел, поскольку с Екатериной в близкой связи состоял.

После много чего об их связи навывдумывали, а дело было самое простое. Екатерина Алексеевна в браке была несчастна: муж её не любил. Чем она ему не угодила, понять невозможно, всё было при ней – и пригожа, и умна, и приветлива, и нрава доброго. Что ещё удивительнее – известно, как он перед немцами благоговел, а она ведь чистокровная немка была, к тому же родня его дальняя, а вот поди же ты, всё равно её не любил! В то же время слюбился он с Лизкой Воронцовой, которая решительно во всём Екатерине уступала: была толстой, нескладной, обрюзгшей – а после перенесённой оспы стала ещё некрасивее, потому что лицо её покрылось рубцами. Правы французы, когда говорят, что любовь есть насмешка Бога над людьми!..

Терпя невнимание, презрение и грубость от мужа своего, цесаревна долго молча страдала, пока, наконец, на других кавалеров взор не обратила. Есть женщины, которые в подобных обстоятельствах на себе замыкаются или в Боге утешение ищут, но она была другого замеса – ей любовь требовалась: того, что от мужа не получила, хотела с лихвой от иных мужчин получить.

Первым был Сергей Салтыков, кавалер отменный, с манерами такими, будто из Версаля приехал, и красив, как Аполлон Бельведерский. Позже слухи ходили, что Екатерина сына Павла от Салтыкова родила, – это полная чепуха! Достаточно было на Павла посмотреть – как мог такой урод быть на свет произведён красавцем Салтыковым? Нет, отцом Павла доподлинно Пётр Фёдорович был – вот уж точно, яблочко от яблони не далеко катится!..

Г. Гроот. Портрет цесаревича Петра Фёдоровича и великой княгини Екатерины

После того как Салтыкова от двора отослали, полюбила Екатерина Алексеевна поляка Понятовского – тоже был видный кавалер, поляки умеют пыль в глаза пустить. Но верен был ей до конца: через много лет, когда уже и связи между ними давным-давно не было, отдал матушке-императрице польскую корону. Умер он в Петербурге и похоронен был со всей пышностью.

Ну, а после Понятовского брат Григорий возлюбленным цесаревны стал. Его после Цорндорфа в капитаны произвели и отправили в Петербург сопровождать пленённого прусского графа Шверина, бывшего адъютанта короля Фридриха. В столице Григория взял к себе адъютантом граф Пётр Шувалов, брат Ивана Шувалова, последнего фаворита императрицы Ели-

заветы Петровны. Однако тут конфуз вышел из-за того, что Григорий женщинами весьма любим был: едва завидев его, они голову от любви теряли и на всякие безрассудства решались. Так получилось и с княгиней Еленой Куракиной, возлюбленной графа Шувалова: полюбив Григория, она Шувалова вовсе позабыла. Граф вознегодовал: «Вот, де, какой неблагодарный! Я его возвысил, а он любовницу у меня отбил», – и перевёл Григория в фузилёрный гренадерский полк.

Но брат уже был Екатериной Алексеевной замечен, и скоро она влюбилась в него до беспамятства. Он тоже к ней страстью воспылал, и по прошествии недолгого времени родился у них сын – как раз в год переворота, за два месяца до оно́го. От императора Петра роды скрыть удалось – да ему не до жены было: к войне с Данией готовился, а покуда с Лизкой Воронцовой развлекался.

Ф. Рокотов. Портрет Григория Орлова

Восприемником ребёнка я был, и назвали его в честь меня Алексеем – Алексей Григорьевич, полный мой тёзка. Екатерина отдала сына на воспитание Василию Шкурину, своему камердинеру, а когда самодержавной императрицей сделалась, пожаловала имение Бобрики в Тульской губернии и титул графа Бобринского. Большие надежды на него возлагала, но крестник мой баловнем вырос, к картам и вину пристрастился и долгов наделал на многие тысячи. Ныне сидит в своём имении звёзды наблюдает – а ведь мог бы сам стать звездой первой величины...

* * *

– Теперь мы до самого переворота добрались, – сказал граф. – Готовились мы к нему несколько месяцев, но я подробности опушу, о них уже много до меня рассказчиков было; приврали порядком, ну, да ладно... Я буду рассказывать коротко, про то, что помню.

...Накануне приехал ко мне Григорий и кричит уже из передней:

– Алехан, хватит спать! Поехали к Дунайке семёновцев подымать!

– «Алехан» моё прозвание было, а «Дунайка» – брата Фёдора, который по-прежнему в Семеновском полку служил, – пояснил граф.

Мой Ерофеич ему говорит:

– А ты бы ещё погромче кричал, Григорий Григорьевич, не то не все тебя услышат! Горяч ты больно, а на горячих воду возят.

– Душа горит, оттого и горяч, – отвечает Григорий. – Эй, Алехан, вставай! Ей-богу, пора начинать!..

Поехали мы в Семёновский полк. В казармах нас встретил Фёдор, весь как на иголках, и тоже кричит с порога:

– Где вы пропадаете?! У нас тут такое творится, пойдёмте скорее!

Заходим в казарму, там офицеров куча, и, несмотря на утренний час, многие уже хмельные. При виде Григория как завопят:

– Орлов! Орлов приехал! Виват Григорию Орлову! – очень его в гвардии любили, боготворили прямо-таки.

– Здорово, братцы! – отвечает он. – Ну что, постоим за императрицу Екатерину?! Медлить больше нельзя: император заявил, что собирается развестись с нею, чтобы жениться на Лизке Воронцовой. Более того, он в присутствии двора, дипломатов и иностранных принцев крикнул императрице через весь стол: «Дура!»; она даже заплакала. Он так разошёлся, что хотел её тут же арестовать, однако дядя императрицы, принц Готторпский, не позволил. Сейчас она одна в Петергофе пребывает и не знает, чего дальше от императора ждать...

К. Христинек. Граф Алексей Бобринский, сын Григория Орлова и Екатерины II

– Да какой он нам император, прихвостень немецкий! – кричат гвардейцы. – Хватит, натерпелись!.. К оружию, ребята! Преображенцы и измайловцы нас поддержат!

– Постойте, братцы! – утихомириваю я их. – Преображенцы выступить готовы, и измайловцы с нами, но выждем ещё день. Завтра всё порешим.

– Чего ждать-то?! Пока нас всех арестуют?! – возмутились они. – Не слушайте Алексея Орлова, слушайте Григория!

– Погодите, дайте досказать, – не сдаюсь я. – Завтра император со всем двором из Ораниенбаума в Петергоф переедет, чтобы там отпраздновать Петров день. Случай удобный – пусть он там себе празднует, а мы императрицу в Петербург вывезем и самодержавной прави-

тельницей объявим. Вот и останется наш немец без короны – голыми руками потом его возьмём.

– Алексей дело говорит. Один день уже ничего не решит, – поддержал меня Григорий. – Завтра, так завтра... Виват императрице Екатерине Алексеевне!

– Виват! Виват! – пуще прежнего закричали семёновцы.

Долго уговаривать их, как видите, не пришлось...

Вышли мы из казармы, Фёдор меня спрашивает:

– А Екатерина знает, что мы затеяли? Согласная она?

– Как ей согласной не быть, – отвечает вместо меня Григорий, – настрадалась, бедная, а теперь вовсе может в крепости дни свои окончить. Ждёт нашего сигнала.

– Ты за ней поедешь? – спрашивает ещё Фёдор.

– Нет, не смогу, Дунайка, – качает головой Григорий. – Мне в Петербурге надо находиться, чтобы наше дело в последний момент не прогорело. Да и Екатерина, завидя меня, плакаться начнёт и печалиться – ум у неё мужской, а сердце бабье. А тут каждая минута дорога, так что Алехан поедет; он лучше моего с этим справится.

Гвардейцы Семеновского полка. Гравюра XVIII века

– Быть по сему, – соглашаюсь я, – а ныне пошли к Ивану: он у нас в семье старший, испросим его благословения.

* * *

– Брат Иван после смерти отца нам его во всём заменил, – продолжал свой рассказ граф. – Всё хозяйство на нём держалось, а когда и матушка наша скончалась, младший брат Владимир у него в доме воспитывался. Мы Ивану почёт оказывали истинно как отцу своему: в присутствии его стояли и называли его «папенька-сударь». Без разрешения Ивана никакое предприятие не осуществляли – вот отчего в тот памятный день к нему за благословением поехали.

Поцеловали ему руку, по обычаю, и обо всём, что задумали, доложили. Он не сразу ответил, насупился и молча сидел, а после встал, обнял нас поочередно и сказал:

– С Богом! Россия этого хочет, а за неё и головы сложить не жалко. Дерзайте!

Владимир, который тоже здесь присутствовал, взмолился:

– Папенька-сударь, разрешите и мне с ними! Сколько можно в недорослях ходить – ей-богу, не подведу!

Иван, однако, ему отказал:

– Куда тебе, тихоне, в такое дело лезть! Обижаться нечего, у каждого своя стезя: ты к наукам влечение имеешь, и там имя Орловых, даст Господь, не менее братьев прославишь. Не торопись – будешь и ты в почёте.

Так и не пустил его; Владимир потом признавался, что всю жизнь об этом сожалел.

...Расставшись с Григорием и Фёдором, я поехал домой, чтобы с рассветом в Петергоф за Екатериной Алексеевной отправиться: надо было туда успеть до приезда императора.

В июне ночи белые, я даже не ложился. Утром простился с Ерофеичем:

– Ну, сегодня или грудь в крестах, или голова в кустах! Не поминай лихом, если что...

Ф. Рокотов. Портрет Ивана Григорьевича Орлова

– Дай бог, обойдётся, Алексей Григорьевич! – перекрестил он меня. – Главное, на полдороге не останавливайся, иди до конца, а смелости тебе не занимать...

Взял я экипаж у своего приятеля Бибикова, приехал в Петергоф; ищу Екатерину Алексеевну, а её нет нигде! Охрана меня пропустила, а слуги спят ещё, спросить некого. Наконец, насилиу отыскал её в отдалённом углу сада, в павильоне Монплезир.

Стучусь тихонько в окошко, оно открывается, а в нём какая-то старая немецкая фрау в ночной рубашке и чепце. Спросонья она бог весть что себе вообразила, шепчет:

– О, майн гот, почему вы лазить моё окно, разве мы есть знакомы? Вы очень спешить: извольте делать по этикет.

– Императрица где? – спрашиваю её. – Мне императрица нужна.

– О, императрикс! Вы к ней ходить? – говорит она с большим разочарованием. – Она вам позволила?

Ну как тут объясниться! – по счастью, на шум вышел Василий Шкурин, камердинер императрицы, которому мы ребёнка её от Григория на воспитание отдали.

– Алексей Григорьевич, это вы? Что случилось? – с тревогой на меня смотрит.

– Подымайте императрицу, – отвечаю я. – Гвардия восстала, в Петербург надо прямо сейчас ехать. Сегодня всё решится.

– Погодите, я вам дверь открою, – говорит, а у самого руки трясутся.

– Не нужно, я через окно влезу. Только не шумите, нам надо тайно действовать, – объясняю я ему.

– Но это не есть прилично! – возмущается фрау. – Чужой мужчина лезет в дом, где есть неодетые женщины!

– Оставьте! – прерывает её Шкурин. – Теперь не до приличий...

Идём мы со Шкуриным в спальню императрицы, заходим – Екатерина Алексеевна мирно спит. Я её за плечо потряс:

– Ваше величество, вставайте, нельзя терять ни одной минуты.

Павильон «Монплеzir» в Петергофе

Она вмиг ото сна пробудилась:

– Что такое, Алексей Григорьевич? С какой вестью вы ко мне пожаловали?

– Гвардия выступила, ваше величество, только вас ждут, – говорю. – Одевайтесь скорее, и поехали!

Она в лице переменялась: так долго этого ждала, а тут и хочется, и колется; да и нешуточное это дело – со смертью в салочки играть.

– Истинно ли всё таким образом обстоит? – спрашивает. – Не выйдет ли по пословице «поспешишь – людей насмешишь»?

Как многие живущие у нас немцы, русские пословицы она любила и, в отличие от иных своих соотечественников, применяла их как нельзя кстати.

– Помилуйте, ваше величество, здесь иная пословица подходит: «Кто смел, тот и съел», – отвечаю. – Диву даюсь, как император до сих пор ответных мер, не считая некоторых арестов, не принял – о заговоре уже в открытую говорят. Видимо, верна и другая пословица: «Кого Бог хочет покарать, лишает разума».

– Да, да, я это слыхала, – кивает, а сама колеблется, никак решиться не может.

Тогда я последний довод в ход пустил:

– Григорий ждёт; он гвардию поднял и в Петербурге вас встретит.

– Григорий?.. – зарделась она, как маков цвет. – Что же, «смелому горох хлебать, а несмелому и шей не видать»? Выйди, Алексей Григорьевич, я сей момент готова буду...

* * *

Дождаться её, однако, пришлось с полчаса, не меньше. Вышла она тщательно одетая и напудренная и совсем в другом настроении – решительная и быстрая.

– Поехали, Алексей Григорьевич, я вам полностью доверяюсь.

Сели мы в экипаж: я за кучера, императрица со Шкуриным и фрау своей кое-как сзади поместились, – и погнал я лошадей во весь опор! А они уже по дороге сюда устали, а на обратном пути совсем из сил выбились и встали. Вот незадача! – но императрица присутствия духа не теряет:

– Как там у Шекспира сказано: «Полцарства за коня!» Надеюсь, мы не разделим судьбу короля Ричарда.

А. Пэн. Портрет Екатерины II в молодости

И точно, удача нам улыбнулась: мимо крестьянская телега проезжала, я её остановил и без лишних слов забрал у мужика, что на ней ехал, а императрица ему сказала:

– Не тужи – ты нынче большую услугу самой царице оказал и без вознаграждения не останешься...

Подъезжаем к Петербургу, – глядь, навстречу нам коляска, а в ней Григорий с князем Барятинским.

– Всё готово! – кричит Григорий.

В коляске лишь четыре места было; тогда Барятинский вышел, оставшись на дороге с фрау, которая этому была, кажется, весьма рада, а мы в седьмом часу утра достигли, наконец, Петербурга.

Первыми нас измайловцы, бывшие однополчане Григория, встретили – их казармы как раз в предместье находились. Григорий уже успел у них побывать, так что они, построившись, при всём параде нас ждали.

Императрица с коляски сошла и говорит:

– Солдатушки! Я, ваша царица, у вас защиты прошу! Хотят известить меня мои неприятели – на жизнь мою покушаются. А ещё веру исконную русскую желают порушить и над Церковью святой надругаться!

– Матушка-царица, мы тебя в обиду не дадим! Умрём за тебя все до единого! Да здравствует матушка наша Екатерина! – закричали солдаты и бросились целовать ей ноги, руки и платье. В это время является полковой священник с крестом, и весь полк присягает Екатерине. Она садится опять в коляску, и мы едем к казармам семёновцев, а измайловцы за нами бегут.

Семёновский полк тоже нас уже дожидается: Фёдор солдат навстречу вывел. Они дружно грянули «ура!» и тут же к нам примкнули. Далее мы поехали к моим преображенцам – и там такая же история. Последними к нам артиллерия и Конная гвардия присоединились – и вот большущей толпой все направились к Казанскому собору. Около него нас встретили многие высшие вельможи, что при Елизавете Петровне служили, а во главе их архиепископ Дмитрий и прочие священники.

Присяга Измайловского полка Екатерине II, 28 июня 1762. Гравюра. Неизвестный художник

Собор всех вместить не мог, вошли лишь избранные. Архиепископ Дмитрий прочёл благодарственный молебен и торжественно провозгласил Екатерину самодержавнейшей импера-

трицей. А когда она из собора вышла, тут такое ликование началось, какого я ни до, ни после этого никогда не видел!..

Затем императрица поехала в Зимний дворец, где ей Сенат и Синод присягнули, а мы с Григорием и Фёдором между тем все меры предосторожности приняли: подступы к дворцу артиллерией защитили, на пути к Петербургу и в самом городе расставили сильные отряды, сообщение с Петергофом и Ораниенбаумом совершенно прекратили, а в Кронштадт послали адмирала Талызина, чтобы крепость сию к верности Екатерине привести.

Обложили императора, как медведя в берлоге, – да только какой из него медведь?.. Как я и предсказывал, голыми руками его взяли. Он, когда о перевороте узнал, в Кронштадт кинулся, хотел флот поднять, но поздно было: Талызин моряков к присяге Екатерине уже привёл.

В тот же вечер императрица и Катенька Дашкова, – приятельница её, которая, невзирая на то что родной сестрой Лизке Воронцовой приходилась, Екатерину во всём поддерживала, – переодевшись в гвардейские мундиры, сели на коней и поскакали во главе нашего войска в Петергоф. Шляпа Екатерины украшена была лавровым венком, волосы распущены по плечам; Дашкова тоже одета как амазонка – театр, и только! Ну, пусть себе покрасуются, дело-то сделано!..

В дороге они притомились и остановились в Красном кабаке, чтобы передохнуть, а я далее путь продолжил. В пять утра занял со своим отрядом Петергоф, к одиннадцати императрица с Дашковой приехала, а потом Григорий сюда Петра Фёдоровича доставил и Лизку Воронцову. Император к тому времени от престола отрёкся, о сопротивлении даже не помышляя.

И. Кестнер. Екатерина II на балконе Зимнего дворца, приветствуемая гвардией и народом в день переворота 28 июня 1762 года

Я его в Ропшу отвёз; он всё плакал, умолял не разлучать его с Воронцовой, однако мы её к отцу отправили.

За переворот государыня нас щедро одарила. Мне, Григорию и Фёдору дано было по пятьдесят тысяч рублей и восемьсот душ крестьян на каждого, затем императрица ещё больше нас своими милостями осыпала. Все мы получили графское достоинство, включая Ивана и Владимира, и высокие чины военные: Григорий стал генерал-поручиком, я – генерал-майором, Фёдор – полковником. Владимир чин капитана гвардии получил, но от него отказался и уехал за границу науки познавать, получая ежегодную пенсию в двадцать тысяч рублей. Все имения, нам дарованные, мы отдали под управление Ивана, и он доходы с них в короткое время удвоил, так что мы в число богатейших людей России вошли.

* * *

– Да, дело было сделано, но как быть с императором? – сказал граф, искоса поглядев на нас. Григорий Владимирович поёжился, а граф продолжал, как бы размышляя вслух:

– У нас уже был один свергнутый император – Иоанн Антонович. Ему императрица Анна Иоанновна корону завещала, хотя он тогда ещё младенцем был, а Елизавета Петровна от престола отстранила, и с тех пор сидел он по крепостям, в последнее время – в Шлиссельбурге. Бедняге ни с кем видаться не разрешали, и даже с охраной ему запрещено было разговаривать. Содержать в крепости ещё одного императора было бы опасно: соблазн большой для тех, кто захотел бы кому-нибудь из этих сидельцев трон вернуть и через это большие для себя выгоды получить, – с Иваном Антоновичем потом такое пытались сделать, дальше расскажу...

А. Антропов. Елизавета Воронцова (фаворитка Петра III)

Правда, Пётр Фёдорович за границу просился, уверял Екатерину Алексеевну, что никогда больше на власть не посягнёт – будет тихо доживать в любезном его сердцу Гольштейне свой век. Однако кто мог с уверенностью сказать, что так оно и будет? Не захотят ли враги наши использовать Петра Фёдоровича против России, как было это в своё время с царевичем Алексеем Петровичем, сыном Петра Великого? Нет, за границу его отпускать нельзя было.

Обречён был император – по самому своему положению обречён, – продолжал граф, не являя ни тени волнения. – Всё могло решиться быстро и без затруднений, когда Григорий его в Петергоф доставил: гвардейцы на императора так злы были, что хотели самосуд учинить, однако Григорий не позволил. Императрица благодарность ему вынесла, а императора приказала беречь – но приказала мне, а не Григорию, и при этом так на меня посмотрела, что я распрекрасно её понял: мы с ней оба знали, что жить уродцу нашему более нельзя.

Видимость заботы о нём тем не менее следовало соблюсти: императрица распорядилась, чтобы Петра Фёдоровича содержали в Ропше со всеми удобствами, и повелела доставить ему арапа, что его забавлял, камердинера, скрипку и любимую собачку. Ещё и врача хотела отправить, но тот не приехал, лишь лекарства прислал. Что за лекарства были, мне не ведомо, однако по приёму их начались у императора колики, едва не помер. Я императрице об этом написал, но ответа не последовало.

Пётр Фёдорович, будто предчувствуя неладное, заметался – не знает, чего опасаться и где спрятаться. За водой стал к ручью ходить, пищу ест только слугами пробованную; на офицеров, которые в комнате его денно и нощно находились, пожаловался – не дают, де, по нужде сходить без свидетелей, – но раньше, когда императором был, он этим не смущался. Другой раз, выйдя в сад, бежать бросился – а куда бежать, когда всюду караулы, имение тройным кольцом окружено?.. Тогда он пить стал сильно, и от этого умом малость тронулся: заговариваться начал, а не то в бешенство впадал – хоть смирительную рубаху на него одевай!

Дворец Петра III в Ропше

Мои офицеры тоже пили немало, да и я этим грешил: не чаяли дожидаться, когда уродец с наших рук уберётся. Произошло всё, однако, случайно, за обедом. Выпито было много, и вот князь Барятинский, схватив вилку императора, полез ею за куропаткой. Тот вспылil:

– Как ты смеешь такое поведение передо мною показывать?! Я император, в моих жилах кровь европейских монархов течёт! А ты, по-русски говоря, холоп, и предки твои были холопы!

– Ах, ты, вошь немецкая! – закричал Барятинский. – Какие мы холопы: мой род России издревле служит не за страх, а за совесть! Получи же от меня и ото всех предков моих, тобою оскорблённых! – и вlepил ему оплеуху.

Император покачнулся, но усидел на стуле:

– А это тебе от меня, холоп! – и вдарил так, что Барятинский свалился.

Тут офицеры как завопят:

– Выродок голштинский, он Бярятинского убил!.. Да он всех перебьёт, дай ему волю!.. Бей его, братцы!

Набросились они на императора, повалили его, пинают, бьют, кто-то душисть пытается; он, однако, не сдаётся – откуда только сила взялась?

Пора это было кончать, а шпаги при мне нет; я ищущ что-нибудь подходящее и хватаю первое, что под руку подвернулось, – вилку, которую Бярятинский у императора отобрал. Гляжу, император каким-то образом вывернулся и подняться пытается: тут-то я в него вилку и всадил – прямо в сердце попал, не промахнулся.

Император охнул и завалился на пол; крови из раны всего капля вылилась, а он уже не дышит. Офицеры вмиг протрезвели, отпрянули от Петра Фёдоровича и на меня в испуге смотрят.

– Перенесите его в спальню, положите на кровать, – говорю. – А я сей же час письмо императрице напишу. Бог милостив, матушка-императрица тоже – обойдётся как-нибудь...

Убийство Петра III в Ропше 6 (17) июля 1762 года

Письмо я написал и наверняка знаю, что императрица всю жизнь хранила его в секретном ящике – оно ей полное оправдание в смерти супруга давало. В письме было сказано так: «Не знаю, как беда случилась, но Пётр Фёдорович заспорил за столом с князем Фёдором Барятинским – не успели их разнять, а императора уже не стало. Сами не помним, что делали, все до единого виноваты, пьяны были, но никто не думал поднять руку на государя! Повинную

тебе принёс – и разыскивать нечего. Погибли мы, когда ты не помилуешь, – прогневили тебя и погубили души навек».

Кары никакой нам не последовало, напротив, князь Барятинский был пожалован императрицей в камер-юнкеры и получил двадцать четыре тысячи рублей; далее Екатерина произвела его в камергеры, тайные советники, а потом – в гофмаршалы.

О смерти императора Екатерина народ оповестила манифестом, в котором внезапную кончину Петра Фёдоровича объяснила презестокими коликами от геморроидического приступа. Верил ли кто в это, не знаю, тем более что когда тело императора в Петербург привезли и выставили в Александро-Невской лавре для прощания, лицо было чёрным и опухшим. Впрочем, долго рассматривать не давали – офицер, тут находящийся, командовал: «Поклониться и сразу идти в другие двери!»

Императрица на похороны не пришла, а погребли императора в той же Александро-Невской лавре, так как в императорской усыпальнице Петропавловского собора хоронили только коронованных особ, а уродец наш короноваться не успел. После кончины императрицы сын её Павел прах отца своего в Петропавловский собор перенёс, посмертно короновал и рядом с Екатериной захоронил; мне тоже в этой церемонии участвовать пришлось, но это уже другая история.

* * *

– После смерти императора кое-кто стал на меня косо поглядывать, иногда я слышал шепот за спиной: «Цареубийца!» Ну, что же, пусть так – разве я первый и единственный, кто поднял руку на царя? – сказал граф. – С древности до наших дней царей убивали и дальше будут убивать: такая уж это должность – быть царём... Господин философ рассказывал мне, – он кивнул на меня, – как некий греческий государь решил показать своему придворному, что значит быть царём... Как их имена, господин философ?

– Дионисий и Дамокл.

Монеты с изображением Петра III

– Да, верно. Так вот, Дионисий усадил Дамокла на свой трон, и тот мог делать, что угодно, но над тронем висел на тонкой нити тяжёлый острый меч, который мог в любую минуту обрушиться и убить сидящего на троне. Мудрая притча: каждый царь, будь он самый наилучший,

должен помнить о дамокловом мече – а уж если царь своего предназначения не оправдывает или подданных своих обижает, обязательно вонзится в него меч!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.